

Научная статья

УДК 347.634/.637

DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-1-52-63

Синдром родительского отчуждения (PAS) как вызов российскому семейному праву

Сергей Викторович Зыков

Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия

zykovsv@yandex.ru

Аннотация

В статье в контексте правового регулирования рассматривается понятие «родительское отчуждение». Исследуется соответствующий законодательный опыт Бразилии. Анализ российской судебной практики показывает серьезные недостатки в применении психологической экспертизы по спорам между родителями.

Воздействие на ребенка с целью отчуждения от одного из родителей со стороны другого является психическим насилием, которое должно повлечь применение предусмотренных семейным правом мер ответственности и защиты ребенка, учитываться при определении места жительства ребенка и порядка общения с отдельно проживающим родителем.

Законодательно установленных средств для решения проблемы родительского отчуждения вполне достаточно, но необходимо существенно скорректировать правоприменение по спорам о детях посредством соответствующих разъяснений Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова

синдром отчуждения от родителей, определение места жительства, права ребенка, судебная психологическая экспертиза, право на воспитание, защита прав ребенка

Для цитирования

Зыков С. В. Синдром родительского отчуждения (PAS) как вызов российскому семейному праву // Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 1. С. 52–63. DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-1-52-63

Parental Alienation Syndrome (PAS) as a Challenge to Russian Family Law

Sergey V. Zykov

Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

zykovsv@yandex.ru

Abstract

The subject of the article is “parental alienation” in the context of legal regulation. The relevant legislative experience of Brazil is examined. An analysis of Russian judicial practice shows serious shortcomings in the use of psychological examination in disputes between parents.

Influence on a child for the purpose of alienation from one of the parents by the other is mental violence, which should entail the application of measures of responsibility and protection of the child provided for by family law, and be taken into account when determining the child’s place of residence and the procedure for communication with the separated parent.

© Зыков С. В., 2024

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 1
Juridical Science and Practice, 2024, vol. 20, no. 1

The legislatively established means for solving the problem of parental alienation are quite sufficient, but it is necessary to significantly adjust the law enforcement in disputes about children, through appropriate clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords

parental alienation syndrome, residence definition, child rights, complex forensic psychological examination, the right to upbringing, protection of the rights of the child

For citation

Zykov S. V. Parental Alienation Syndrome (PAS) as a Challenge to Russian Family Law. *Juridical Science and Practice*, 2024, vol. 20, no. 1, pp. 52–63. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-1-52-63

Неприятие ребенком одного из родителей в результате действий другого – проблема, часто возникающая при расторжении брака. За рубежом она осмысливается в рамках концепции «синдрома родительского отчуждения» (PAS), введенной в 1985 г. психиатром Ричардом Гарднером [1, с. 33], в последующем получившей реализацию и в механизмах правового регулирования.

В российских психологии и социологии концепция PAS развития в настоящее время не получила, соответствующие явления рассматриваются с помощью таких понятий, как индуцирование ребенка [2, с. 54–62], родительская (патернальная, материнская) депривация [3, с. 1–22].

В настоящей статье посредством метода сравнительного правоведения анализируется возможность адаптации зарубежного опыта интеграции концепции PAS в механизмы правового регулирования к российской системе права.

Как и любая теория, PAS имеет своих критиков. В монографии критической направленности приводятся примеры применения основанных на PAS процедур в правовой практике США [4, р. 1–2]. Подозреваемого в отчуждении родителя полностью лишают контакта с ребенком на срок от 90 дней до нескольких лет; его самого направляют на «лечение» (за свой счет, стоимость даже короткого курса в несколько дней составляет тысячи долларов), которое длится до момента «признания», при том что «ни отрицание, ни признание не принимаются в качестве причины для возобновления контакта с ребенком» [4, р. 7–8]. Заметим, что эти процедуры были скопированы с «лечения» семейного насилия, для PAS аналогичные меры применяются несопоставимо реже (и лишь в незначительном количестве штатов) и являются специфическими для США.

В указанной работе не отрицается само явление, для него предлагается иная терминология: «поощрение родителей к избегающему поведению ребенка, или поощрение родителей» («parent encouragement of child avoidant behavior, or parent encouragement») [4, р. 4].

Монография австралийских исследователей начинается с необходимости различения отчуждения родителей как результата действий родителя-отчуждателя и отчужденности от родителя в результате поведения последнего [5, р. 3]. В доктрине PAS применительно ко второму случаю используется термин «estrangement» в отличие от традиционно используемого «alienation» («отчуждение»).

Под «родительским отчуждением» понимается процесс, в результате которого отношения ребенка с одним из родителей («целевым родителем») находится под негативным влиянием действий другого родителя (отчуждающего «алиенатора») [5, р. 3]. При наличии исходного контакта большинство детей привязаны к обоим родителям. Определенная степень охлаждения отношения к одному из них может быть обусловлена объективными обстоятельствами (возрастными переходами, фактом раздельного проживания и т. п.). Но крайняя степень неприятия, как правило, вызвана поведением третьего лица, обычно другого родителя. Такое поведение может быть многовариантно, выделяется целая совокупность стратегий (до 66). Выявлено негативное влияние такого воздействия на личность ребенка, которое может длиться на протяжении всей его последующей жизни. Оно включает в себя проблемы, связанные с де-

прессивными симптомами, злоупотреблением алкоголем и трудностями, связанными с определением самостоятельности и взаимодействием с другими людьми.

В то же время отмечается, что не во всех случаях отчуждающие родители сознательно настраивают ребенка против другого родителя, иногда это результат их эмоционального состояния. В последнем случае, если им продемонстрировать вред, который они наносят своему ребенку, их поведение корректируется [5, р. 3–8].

Таким образом, за рассматриваемым явлением стоит нарушение не только коммуникации с «целевым» родителем (что следует квалифицировать как посягательство на его право воспитывать ребенка), но также прав самого ребенка, в том числе на заботу о его психическом благополучии. При этом не любое избегающее поведение последнего по отношению к одному из родителей является следствием поведения другого, но даже если так, оно должно дифференцироваться по степени виновности.

В мировой науке теория PAS активно развивается, чему способствует и ее критика. Еще раз подчеркнем, что в первой из указанных монографий (критической направленности), не отрицается концепция как таковая, авторы выступают лишь против ее необоснованного применения [4, р. 5].

Иная ситуация наблюдается в государствах постсоветского пространства, в частности, в российской науке. Работы, посвященные PAS, очень немногочисленны: обнаруживается студенческая работа [1, с. 33–34], исследование зарубежного (бразильского) автора [6, с. 96–110, 296–308]. Можно отметить сборник, выпущенный по итогам специализированной конференции, проведенной в Санкт-Петербурге¹, однако показательным является внеакадемический характер указанного научного мероприятия.

В значительном числе российских работ проблема отчуждения от одного из родителей рассматривается как проблема депривации. Указывается, что семейная депривация (переживание утраты связи с родителями) приводит к формированию неадекватного самоотношения и к снижению возможностей социальной адаптации; она подразделяется на постоянную или эпизодическую (чаще в отношении отца в неполной семье) [3, с. 7]. Констатируя негативные последствия для социальной адаптации ребенка депривации, в частности патеральной, следует учитывать, что влияние отца объективно увеличивается по мере взросления ребенка [7, с. 131–132]. Здесь можно было бы усмотреть содержательно пересечение с PAS, однако концепт депривации предполагает рассмотрение последствий утраты члена семьи безотносительно к причинам, ее вызвавшим.

Проблема воспрепятствования отдельно проживающему родителю в общении с ребенком в результате манипуляций им со стороны другого родителя рассматривается в отечественных исследованиях. Еще с 1970-х годов проводились исследования, согласно которым в 60 % разводов наблюдалось «явное или завуалированное чинение препятствий в общении ребенка с отдельно проживающим родителем, что приводило к прекращению встреч» [8, с. 83]. В настоящее время исследуется негативное влияние на детей утраты контакта с отдельно проживающим родителем (доля таких ситуаций определяется от 31 до 17 %), при этом у половины девушек из неполных семей выявляется изменение отношения на негативное к отдельно проживающему родителю (в чем предположительно проявляются установки одного из родителей), у значительной части формируется «искаженная картина представлений о собственной будущей семье» [9, с. 142–161].

Отмечается, что контакт с отдельно проживающим родителем (а также отношения с его родственниками) нередко оказываются «серьезно деформированы или прекращены под влия-

¹Мы любим вас обоих // Материалы I Междунар. науч. конф. по проблеме отчуждения родителя / Санкт-Петерб. ин-т психологического консультирования, Национальная ассоциация исследователей синдрома отчуждения родителя. 28–30 мая 2021 г. СПб.: Центр содействия образованию, 2022. 194 с.

нием негативно настроенного родителя-опекуна», в том числе в результате того, что последний негативно настраивает ребенка [10, с. 27–28].

Изучение рассматриваемого явления в отечественной науке осуществляется также в парадигме зарубежных концептов, например «гейткипинга» (gatekeeping) – практики ограничения доступа к ребенку одного из родителей другим родителем, делающей невозможным их общение [11, с. 468]. Создание препятствий доступа отцам к детям включают как недобросовестное использование правовых механизмов и допускаемого правовой системой поведения (введение в заблуждение судей и экспертов, географическая сепарация, обвинения в сексуальных домогательствах и т. п.), так и очернение другого родителя в глазах ребенка, «психологическое давление, обвинения, создание негативного, рискованного и опасного образа отца» [11, с. 475]. Такая система отношений будет воспроизводиться выросшим ребенком в последующей жизни, поскольку «стратегия отторжения мужчины как отца может объясняться своеобразным семейным наследованием, жизненным сценарием, формирующимся в семьях одиноких матерей или семей с доминирующей и властной матерью» [11, с. 476]; решение проблемы исследователи видят в установлении режима совместной опеки родителей [11, с. 487].

Ст. 2 бразильского закона № 12.318 от 26 августа 2010 г. «О родительском отчуждении (alienação parental) и о внесении изменений в ст. 236 Закона № 8.069 от 13 июля 1990 года»² (далее – Закон Бразилии) дает определение родительского отчуждения как «вмешательства в психологическое формирование ребенка или подростка, инициированного или вызванного одним из родителей, бабушкой и дедушкой или теми, кто осуществляет контроль, опеку или попечительство над ребенком или подростком, приводящего к отвержению родителя или вредящего установлению либо поддержанию связей с ним». Там же в первом пункте определены его формы: проведение компании по подрыву родительского авторитета; воспрепятствование осуществлению родительских прав, создание препятствий ребенку в его общении с родителем, сокрытие информации о ребенке, ложное обвинение родителя или членов его семьи с целью воспрепятствовать сосуществованию (convivência) с ребенком, перемещение ребенка с целью прекращения коммуникации с ребенком другим родителем. Ст. 3 Закона Бразилии определяет такие действия, как психологическое насилие (abuso moral). Ст. 6 перечисляет основные санкции:

- 1) предупреждение алиенатора;
 - 2) штраф;
 - 3) приостановление (suspensão) родительских прав алиенатора;
 - 4) проведение мониторинга;
 - 5) пересмотр порядка осуществления родительских прав в пользу пострадавшего родителя (увеличение объема общения, установление совместной опеки, передачи ему ребенка);
- определение временного места жительства ребенка.

Заметим, что эти меры или их аналоги (за минимальными исключениями) установлены и в российском праве.

1. Существует практика вынесения предупреждения родителям, когда суд не нашел достаточных оснований для их лишения родительских прав или ограничения в них.

Иная ситуация с предупреждением как мерой административной ответственности: ст. 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ³ (далее – КоАП) ее не содержит; основания для замены административного штрафа, предусмотренные ст. 4.1.1. КоАП, в этом случае отсутствуют.

2. Понимание отчуждения родителя как формы лишения ребенка права на общение с ним дает возможность применить административный штраф согласно ч. 2 ст. 5.35 КоАП

² http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2007-2010/2010/Msg/VEP-513-10.htm (дата обращения: 12.02.2024).

³ Собр. законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 1.

от 2 000 до 3 000 рублей, а при повторности (часть 3) – от 4 до 5 тысяч рублей. Размер штрафа обсуждается в специальной литературе: есть аргументы за его увеличение.

3. Приостановлению родительских прав алиенатора соответствует российский юридический институт семейного права ограничения в родительских правах (ст. 73 СК РФ). С учетом степени вины и тяжести правонарушения допустимо соотнесение и с лишением родительских прав (ст. 69 СК РФ).

4. Под мониторингом понимается контроль за родителско-детскими отношениями со стороны уполномоченных органов. В нашем случае это органы опеки и попечительства, которые в целом не сориентированы на профилактическую работу с семьями. Надо ли их на такую работу ориентировать – вопрос дискуссионный. По мнению автора настоящей статьи, – нецелесообразно, учитывая в среднем не слишком высокий профессиональный уровень работников этих органов.

5. В российской системе права допустим пересмотр порядка общения ребенка с отдельно проживающим родителем, даже если такой порядок был ранее установлен (в том числе судом) при появлении новых обстоятельств. ВС РФ указывает, что данные отношения «носят длящийся характер, поэтому ... нельзя признать обоснованным отказ в принятии искового заявления между теми же сторонами, о том же предмете, когда из заявления усматривается, что изменились фактические обстоятельства, условия воспитания детей, служившие основанием ранее предъявленного иска»⁴.

В рамках споров об определении места жительства ребенка абз. 3 п. 3 ст. 65 СК РФ допускается возможность определить место жительства детей на период до вступления в законную силу судебного решения об определении их места жительства, что соответствует «определению временного места жительства ребенка» Закона Бразилии.

Возможность передачи ребенка отдельно проживающему родителю в случае, если другой родитель злостно не исполняет решение суда о порядке общения, прямо предусмотрено СК РФ (п. 3 ст. 66). Другой вопрос, что в судебной практике мы не находим применения этой нормы, обнаруживаются лишь неоднократные указания ВС РФ на обязанность предупреждать о возможных последствиях неисполнения решения суда о порядке осуществления родительских прав⁵. Проблема состоит в том, что предупреждение не имеет превентивного эффекта, поскольку указанная норма не применяется.

Разумеется, психическое насилие над ребенком в рассматриваемом аспекте должен выявлять специалист в соответствующей сфере. Неудивительно, что ключевым в правовом механизме реализации Закона Бразилии является экспертиза, в ст. 5 подробно регулируются основания ее назначения, порядок проведения и требования к экспертам.

Насколько широко российские суды используют экспертизу по спорам о детях? В решениях, представленных в базе «Судебные и нормативные акты РФ»⁶ (были использованы все судебные акты за 2020 и 2021 годы по делам данной категории), экспертиза фигурировала только в 2,6 % дел. Из них около трети касались споров по поводу порядка общения с ребенком родителем, проживающим отдельно. В большинстве дел данной категории экспертиза назначалась в рамках расширения предмета доказывания для истца, включая в него обязанность

⁴ Раздел «Предъявление искового заявления по спорам, связанным с воспитанием детей» Обзора практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 7.

⁵ См. п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // Российская газета. № 110. 10.06.1998; Раздел «Рассмотрение судами дел об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка» Обзора практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 7.

⁶ Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 12.02.2024).

доказать право на общение с ребенком, которое для родителей, не лишенных родительских прав и не ограниченных в них, прямо закреплено в Семейном кодексе Российской Федерации.

В одном из споров отдельно проживающий родитель (истец) просил суд обязать ответчика «не высказываться негативно» в его адрес при ребенке и «не настраивать ребенка против общения с истцом». Оценку в мотивировочной части решения суд данному требованию не дал, в резолютивной отказал «за необоснованностью»; единственной реакцией суда было стандартное предупреждение о «возможности применения ч. 3 ст. 66 СК РФ». При наличии утверждений о настраивании матерью ребенка против общения с отцом суд определил порядок общения в ее присутствии и место по согласованию с ней⁷ (в экспертизе говорилось о возможности общения в присутствии *третьих* лиц).

В одном из дел, в котором была проведена экспертиза, прозвучал довод о том, что отец «настраивает ребенка против матери», однако развития в вопросах эксперту он не получил. В то же время психолог констатировал амбивалентное (преимущественное отрицательное отношение к ней при положительном отношении к отцу)⁸. Очевидно, что при таком заключении экспертизы суду следовало исследовать причины такого отношения, тем более определяя место жительства ребенка с матерью. Еще в одном деле, согласно экспертизе, «можно утверждать о наличии психологической индукции со стороны иных членов семьи» относительно негативного отношению к отцу со стороны одного из детей⁹. И в этом случае никакого отражения в решении данное обстоятельство не получило.

Здесь мы приходим к ответу на ранее поставленный вопрос о причинах отсутствия развития теории PAS в отечественной науке: она оказывается практически невостребованной при разрешении споров о детях между родителями. Именно в этом контексте необходимо рассмотрение трехсторонних отношений. Для последующей же работы с неизбежно возникающими психологическими проблемами пациентов, которые в детстве подверглись негативному воздействию отчуждающего родителя, необходимости обращения именно к PAS нет.

Рассматриваемые действия являются одновременно нарушением прав и отчуждаемого родителя и ребенка. В п. 1 ст. 9 Конвенции о правах ребенка¹⁰ (далее – Конвенция) закрепляется право ребенка не разлучаться со своими родителями вопреки их желанию. По п. 3 той же статьи 9 Конвенции при разлучении с родителями ребенок имеет право поддерживать с ними личные и прямые контакты на регулярной основе; согласно п. 1 ст. 8 Конвенции, ребенок имеет право на сохранение семейных связей как проявление своей индивидуальности; п. 1 ст. 16 Конвенции защищает ребенка от незаконного или произвольного вмешательства в его семейную жизнь, а отчуждение одного из родителей нарушает указанные права. Поскольку в настоящее время в Российской Федерации отсутствуют эффективные правовые механизмы защиты ребенка от рассматриваемого неблагоприятного воздействия, то следует констатировать нарушения его права на защиту в смысле п. 2 ст. 3 и ст. 4 Конвенции, а также на защиту от психологического насилия, злоупотребления (в том числе со стороны родителей или иных лиц, заботящихся о ребенке) согласно п. 1 ст. 19 Конвенции. Таким образом, рассматриваемые действия являются нарушением целой совокупности прав ребенка, закрепленных в международном договоре, участником которого является Российская Федерация.

⁷ Решение Баксанского районного суда (Кабардино-Балкарская Республика) от 15 января 2020 г. по делу № 2-20/2020 (2-528/2019).

⁸ Решение Хабаровского районного суда Хабаровского края от 24 апреля 2020 г. по делу № 2-46/2020 (2-2012/2019).

⁹ Решение Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 21 мая 2020 г. по делу № 2-68/2020 (2-4924/2019).

¹⁰ Одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 // Сб. междунар. договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

Вышеуказанные права нашли отражение в российском национальном семейном праве. Статьей 54 СК РФ закрепляется, в частности, право ребенка на воспитание своими родителями, на заботу с их стороны. Согласно п. 1 ст. 55 СК РФ, закрепляется право ребенка на общение с обоими родителями, включая ситуацию раздельного проживания.

Воздействие на ребенка одного из родителей с целью отчуждения от другого родителя должно квалифицироваться как психическое насилие. Последнее, как известно, может повлечь последствия в виде лишения родительских прав (ч. 5 ст. 69 СК РФ) или ограничения в них (поскольку исчерпывающий перечень оснований ограничения в ст. 73 СК РФ не установлен и в качестве таковых могут вступать основания лишения родительских прав при недостаточности оснований для применения последнего). ВС РФ, к сожалению, не представил толкования указанной нормы, ограничившись ее перефразированием.¹¹

Исследователями высказывается мнение, что формирование у ребенка негативного отношения к другому родителю следует интерпретировать как злоупотребление родительскими правами [12, с. 187], т. е. по ч. 4 ст. 69 СК РФ. Такой подход имеет свою логику, поскольку речь идет, с одной стороны, об осуществлении права, которым лицо формально наделено (а воздействие на ребенка охватывается родительским правом на воспитание), с другой стороны, оно осуществляется в объективном противоречии с его целью: обеспечение благополучия ребенка.

Лишение родительских прав является в нашей правовой системе исключительной мерой семейно-правовой ответственности; ограничение в родительских правах также же следует считать чрезвычайной мерой защиты ребенка. Применительно к рассматриваемым действиям в обоих случаях условием применения должно быть наличие вины в форме умысла отчуждающего родителя. Критерием разграничения этих двух мер должен быть характер его поведения: особая злостность, выражающаяся, в частности, при повторности (после ограничения в родительских правах по рассматриваемому основанию) должна повлечь лишение родительских прав.

Исследователи отмечают, что негативное отношение к одному из родителей может быть вызвано разными факторами:

«1) вследствие характера поведения и индивидуально-личностных особенностей отвергаемого родителя;

2) из-за активизации в ситуации конфликта защитных механизмов ребенка, когда ребенок отвергает одного из родителей для того, чтобы можно было бесконфликтно существовать рядом с другим родителем;

3) по причине явного настраивания ребенка другим родителем или неявного психогенного индуцирования» [2, с. 58].

Во втором и третьем случае ситуацию «следует рассматривать как аномальную и создающую значительный риск нарушений психического развития ребенка. В связи с этим оставление ребенка, в соответствии с вербально высказанным им желанием, с родителем-индуктором может противоречить его истинным интересам» [Там же]. Поскольку при рассмотрении данных споров об определении места жительства ребенка реализуется право ребенка выражать свое мнение, предусмотренное ст. 57 СК РФ, при этом с десятилетнего возраста его учет является обязательным, справедливо отмечается особая необходимость выявления действительности декларируемого мнения ребенка в условиях проживания с одним из родителей при изоляции от другого [2, с. 59].

Негативное воздействие одного из родителей на формирование отношения к другому при отсутствии вины, осознанной направленности на данный результат, не может служить основанием лишения родительских прав или ограничения в них по основанию психического насилия. В этом случае речь идет, скорее, о психологической незрелости родителя, оказыва-

¹¹ Подпункт «г» п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 // Рос. газета. 2017. 20 нояб. № 262.

ющего подобного рода воздействие. Согласно абз. 2 п. 3 ст. 65 СК РФ, при разрешении спора о месте жительства ребенка при раздельном проживании родителей суд обязан учесть их нравственные и иные качества. Решение не в пользу психологически незрелого родителя в такой ситуации является не мерой ответственности, а мерой защиты ребенка, своеобразной «квази-санкцией».

Воспрепятствование со стороны родителя, проживающего с ребенком, общению с другим родителем посредством негативного настраивания ребенка должно квалифицироваться как злостное неисполнение соответствующего решения суда и повлечь, согласно п. 3 ст. 66 СК РФ, передачу ребенка другому родителю.

Проживающий отдельно от ребенка родитель, получающий вместо права на проживание и личное воспитание ребенка своеобразное суррогатное, ослабленное право на эпизодическое общение с ним, бесспорно, фактически является слабой стороной правоотношения. Однако в случае, когда с его стороны проявляется рассматриваемое деструктивное воздействие на ребенка, должна применяться клаузула п. 1 ст. 66 СК РФ, которая допускает ограничение общения. Разумеется, только на основании судебного решения, а не в качестве самоуправных действий родителя, проживающего вместе с ребенком.

Очевидно, что применение указанных в предыдущем разделе санкций и квазисанкций требует доказательственной базы, просто объяснений заинтересованных лиц явно недостаточно. В интерпретации конкретных семейных отношений, как нигде больше, срабатывают механизмы психологической защиты, гендерные стереотипы, что крайне затрудняет их понимание извне. Во многих случаях понять реальную систему отношений может только эксперт.

Выше было отмечено, что для российской системы права в качестве принадлежащей к континентальной правовой системе ближе механизмы правового регулирования, выработанные в принадлежащей к той же правовой семье Бразилии, чем юридическое процедуры США, где концепция PAS получила свое первоначальное воплощение. В Законе Бразилии, как уже отмечалось, экспертиза играет центральную роль.

Перед психологической экспертизой ребенка и детско-родительских отношений по спорам об определении места жительства ребенка в случае раздельного проживания родителей предлагается ставить вопросы о том, чем обусловлено (если оно выявлено) негативное отношения к одному из родителей; является ли мнение ребенка по вопросу об определении его места жительства самостоятельным с учетом его возраста, состояния (болезни), уровня психического развития, влияния на него конфликтной ситуации или одного из родителей (члена семьи, родственника и т. д.) [12, с. 190].

Аналогичные вопросы содержатся и у других исследователей:

- что является причиной отказа ребенка от общения с отцом (матерью);
- имеются ли признаки психического воздействия на ребенка со стороны матери (отца, других родственников) с целью создания негативного образа отца (матери), создания препятствий для общения с отцом (матерью) с целью принуждения к отказу от общения с отцом (матерью);
- если да, то в чем это выражается? [13, с. 72.]

Следует признать, что российские специалисты в области психологии вполне в состоянии выявить индукцию ребенка со стороны одного из родителей негативных установок в отношении другого родителя. Проблема составляет исключительно судебное правоприменение.

Судебная психологическая экспертиза должна чаще применяться по спорам об определении места жительства ребенка, поскольку она позволяет достоверно определить его привязанность к каждому из родителей – критерий, который в п. 3 ст. 65 Семейного кодекса Российской Федерации ставится на первое место при разрешении споров данной категории. Уместность экспертизы в данных делах состоит и в том, что она позволяет выяснить вопрос о действительных желаниях ребенка, не создавая для него психотравмирующей ситуации выбора между родителями, что происходит при его прямом опросе в суде или работниками органов опеки,

часто не имеющих достаточной квалификации (требования к которым не предполагают даже психологического образования).

При назначении указанных экспертиз обязательно должны ставиться вопросы о возможности влияния на отношение ребенка к одному родителю со стороны другого и степени такого влияния. Именно выявление всех этих обстоятельств может позволить суду отступить от мнения ребенка (в том числе достигшего десятилетнего возраста) относительно его проживания с одним из родителей. Надлежащая процессуальная форма сомнений суда в достоверности экспертизы (в том числе при опровержении ее выводов другими доказательствами по делу) – назначение экспертизы повторной или дополнительной.

Действия по отчуждению ребенка от одного из родителей при определенных условиях должны квалифицироваться как психическое насилие, что при наличии виновного поведения отчуждающего родителя должно повлечь последствия в виде ограничения в родительских правах, а в случае повторности – их лишения. Кроме того, такое поведение должно квалифицироваться как злостное неисполнение решения суда о порядке общения с отдельно проживающим родителем и повлечь передачу ему ребенка.

Если действия по индукции отрицательного отношения к другому родителю не являются осознанными, следовательно, виновными, то, учитывая, что они объективно оказывают негативное воздействие на несовершеннолетнего, противоречат интересам ребенка, такие действия должны учитываться при определении места жительства ребенка, а также при определении объема (вплоть до полного отказа) общения с отдельно проживающим родителем (косвенные санкции).

Наконец, кардинальным решением было бы введение получающего все большее распространение в современном мире института «совместной опеки» (в нашей терминологии – определения места жительства ребенка у раздельно проживающих родителей на паритетных началах). Исследования показывают, что такой режим в наших условиях (не установленный *de jure*, но наблюдаемый *de facto*) является наименее стрессогенным видом постразводных отношений для обоих родителей [14, с. 336], даже не говоря о его очевидном соответствии интересам самого ребенка.

Список литературы

1. **Веселкина Н. Е.** Синдром родительского отчуждения (PAS) как фактор опасности для детской психики // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации: Материалы VIII Всерос. студенческой науч.-практ. конф. с международным участием. В 2 ч. / Под ред. А. В. Осинцевой. Новосибирск, 2019. С. 33–34.
2. **Сафуанов Ф. С., Русаковская О. А.** Методологические проблемы комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам воспитания детей при раздельном проживании родителей // Психологическая наука и образование. 2010. № 2. С. 54–62.
3. **Рубченко А. К.** Самоотношение и отношение юношей и девушек к родителям при семейной депривации: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007. 22 с.
4. **Challenging Parental Alienation. New Directions for Professionals and Parents** / Ed. by Jean Mercer and Margaret Drew. Routledge: London, 2022. 284 p.
5. **Understanding and Managing Parental Alienation. A Guide to Assessment and Intervention** / Janet Haines, Mandy Matthewson, Marcus Turnbull. Routledge: London, 2020. 372 p.
6. **Бруна Барбьери Ваким.** Принудительное семейное отчуждение: новые данные и новые мнения относительно отчуждения от родителей // Психология и право. 2019. Т. 9, № 1. С. 96–110; № 2. С. 296–308.
7. **Андронникова О. О.** Феномен социально-психологической депривации личности как основа виктимизации // Сибирский педагогический журнал. 2015. № 4. С. 130–135.

8. **Павлов С. П.** Развод как форма психоэмоциональной депривации детей // Социальное обслуживание семей и детей: Науч.-метод. сб. 2014. № 2. С. 74–93.
9. **Терехина С. А., Чирикина Е. С.** Особенности восприятия развода в родительской семье и отношение к родителям у девушек периода ранней взрослости // Психология и право. 2016. № 3. С. 142–161.
10. **Камышова Е. В., Лазарева З. Н.** Социальная коррекция взаимоотношений детей и родственников отдельно проживающего родителя после развода // Теория и практика общественного развития. 2018. № 1 (119). С. 25–29.
11. **Безрукова О. Н., Самойлова В. А.** Материнский гейткипинг в России: молодые отцы о матерях и барьерах доступности детей после развода // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 463–498.
12. **Носачев Г. Н., Савельева Н. М.** Споры между родителями об определении места жительства ребенка (детей) и о порядке осуществления родительских прав: проблемы правоприменения // Семейное право и законодательство: политические и социальные ориентиры совершенствования: Междунар. науч.-практ. конф. / Твер. гос. ун-т. Тверь, 2015. С. 186–191.
13. **Ишков Ю. В., Никонова О. А.** Некоторые проблемы судебно-психологической экспертизы при бракоразводном процессе на современном этапе развития общества в России // Вестник АГТУ. Социально-гуманитарные науки. 2014. № 1 (57). С. 71–76.
14. **Пацакула И. И.** Особенности психологической безопасности ребенка в ситуации постразводного родительства // Социализация человека в современном мире в интересах устойчивого развития общества: междисциплинарный подход: Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Калуга, 2017. С. 331–336.

References

1. **Veselkina N. E.** (2019) Parental Alienation Syndrome (PAS) as a danger factor for the child's psyche] In A.V. Osintseva (ed.). *Molodezh' XXI veka: obrazovanie, nauka, innovatsii. Materialy VIII Vserossiiskoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*=Youth of the XXI century: education, science, innovation. Materials of the VIII All-Russian Student Scientific and Practical Conference with International Participation. Novosibirsk. Pp. 33–34. (in Russ.)
2. **Safuanov F. S., Rusakovskaya O. A.** (2010) The Methodological Problems of the Complex Forensic Psychological-Psychiatric Examination in the Matter of Bringing-up Children by Separated Parents. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*=Psychological Science and Education. No. 2. Pp. 54–62. (in Russ.)
3. **Rubchenko A. K.** (2007) Self-attitude and attitude of boys and girls to parents in case of family deprivation. Moscow. 22 p. (in Russ.)
4. **Mercer J., Drew M.** (2022). Challenging Parental Alienation. New Directions for Professionals and Parents. Jean Mercer, Margaret Drew (ed). Routledge: London. 284 p.
5. **Haines J., Matthewson M., Turnbull M.** (2020). Understanding and Managing Parental Alienation. A Guide to Assessment and Intervention. Janet Haines, Mandy Matthewson, Marcus Turnbull (ed). Routledge: London. 372 p.
6. **Bruna Barb'eri Vakim** (2019). Induced family alienation: new data and new considerations on parental alienation Chast' I [Part I]. *Psikhologiya i pravo*=Psychology and Law. Vol. 9. No. 1. Pp. 96–110. [Part II]. *Psikhologiya i pravo*=Psychology and Law. Vol. 9. No. 2. Pp. 296–308. (In Russ.)
7. **Andronnikova O. O.** The phenomenon of social and psychological deprivation of the person as the basis of victimization. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal* = Siberian pedagogical journal, 2015, vol. 4, pp. 130–135.

8. **Pavlov S. P.** (2014) Divorce as a form of psycho-emotional deprivation of children. *Sotsial'noe obsluzhivanie semei i detei: nauchno-metodicheskii sbornik*=Social services for families and children: scientific and methodological collection. No. 2. Pp. 74–93. (in Russ.).
9. **Terekhina S. A., Chirikina E. S.** (2016) Peculiarities of perception of parents' divorce and attitude towards parents' girls in emerging adulthood. *Psikhologiya i pravo*=Psychology and Law. Vol. 6. No. 3. Pp. 142–161. (in Russ.)
10. **Kamyshova E. V., Lazareva Z. N.** (2018) Social correction of the relationship between children and relatives of a separate parent after divorce]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*=Theory and practice of social development. No. 1(119). Pp. 25–29. (in Russ.)
11. **Bezrukova O. N., Samoilova V. A.** (2020) Maternal Gatekeeping in Russia: Young Fathers about Mothers and the Barriers to Access Children after Divorce. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* =Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. No. 3. Pp. 463–498. (in Russ.)
12. **Nosachev G. N., Savel'eva N. M.** (2015) Disputes between parents on determining the place of residence of the child (children) and on the procedure for exercising parental rights: problems of law enforcement. In *Semejnoe pravo i zakonodatel'stvo: politicheskie i social'nye orientiry sovershenstvovaniya. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya. Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Tverskoj gosudarstvennyj universitet»*=Semejnoe pravo i zakonodatel'stvo: politicheskie i social'nye orientiry sovershenstvovaniya. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya. Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii. (ed.) Il'ina O. Yu. Pp.1 86–191. (in Russ.)
13. **Ishkov Yu. V., Nikonova O. A.** (2014). Some problems of forensic psychological expertise in divorce proceedings at the present stage of development of society development in Russia. *Vestnik AGTU. Social'no-gumanitarnye nauki*=Bulletin of the Altai State Technical University. Social Sciences and Humanities. Vol. 1. No. 57. Pp. 71–76. (in Russ.)
14. **Patsakula I. I.** (2017) Features of the psychological safety of a child in a situation of post-divorce parenting. In *Sotsializatsiya cheloveka v sovremennom mire v interesakh ustoichivogo razvitiya obshchestva: mezhdistsiplinarnyi podkhod. sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*=Socialization of a person in the modern world in the interests of sustainable development of society: an interdisciplinary approach. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. Kaluga. Pp. 331–336. (in Russ.)

Информация об авторе

Зыков Сергей Викторович, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук

Information about the Author

Sergey V. Zykov, Researcher, Institute of philosophy and law Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 13.02.2024;
одобрена после рецензирования 04.03.2024; принята к публикации 07.03.2024*

*The article was submitted 13.02.2024;
approved after reviewing 04.03.2024; accepted for publication 07.03.2024*